

Василий Буслаев (3)

Жил Буслав в Новгороде,
Жил Буслав девяносто лет,
С Новым городом не спаривал,
Со Опсковым он не вздоривал,
А со матушкой Москвой не перечился.
Живучись, Буславьюшка преставился,
Оставалось у Буславья чадо милое,
Молодой Васильюшка Буслаевич.
Будет Василий семи годов,
Стал он по городу похаживать,
На княженецкий двор он загуливать,
Стал шутить он, пошучивать,
Шутить-то шуточки недобрые
С боярскими детьмы, с княженецкими:
Которого дернет за руку — рука прочь,
Которого за ногу — нога прочь,
Двух-трех вместо столкнет, без души лежат.
Приходят с жалобой от князей Новгородских
К пречестной вдовы Мамельфы Тимофеевны:
— Ай же ты, честна вдова Мамелфа Тимофеевна!
Уйми ты свое детище любимое,
Молода Васильюшка Буславьева:
Ходит он по городу, похаживает,
На княженецкий двор он загуливает,
Шутит он шуточки нехорошие
Со тьма детьми с боярскими,
Со боярскими детьмы, княженецкими,
Побивает смертью напрасною.

Тут честна вдова Мамелфа Тимофеевна
Не спускает сына гулять во Новгород,
Шутить шуточек недобрых.

Будет Василий семнадцати лет,
Обучился Василий всяких хитростей-мудростей,
Разных наук воинских и рыцарских,
Ощутил в себе силушку великую

И делал себе сбрую ратнюю,
Палицу воинскую и копье мурзамецкое,
Тугой лук разрывчатый и саблю вострую.
Заводил Василий у себя почестен пир,
Почестен пир на двенадцать дней.
И на пиру было народа множество великое.
Тут Василий вином напоил допьяна,
Хлебом кормил он досыта,
Выбирал себе дружину хоробрую,
Удалых дородних добрых молодцев,
Избирал тридцать молодцев без единого,
И распустил весь почестен пир.

 Был Васильюшка Буславьевич
У князей Новгородских на честном пиру,
Напился Василий Буславьевич допьяна,
Напился Василий, порасхвастался,
И ударил о велик заклад
Со трема князьями Новгородскими —
Выходить на мостик на Волховский
И биться Василью с Новым городом,
Побить всех мужиков до единого.
Проведала его государыня матушка,
Честная вдова Мамелфа Тимофеевна,
Про своего сына про Васильюшку,
Что на том пиру ударил о велик заклад,
Выводила своего сына любимого
Со того ли пира княженецкого,
Засадил его во погреба глубокие.

 Тогда мужики новгородские
Делали шалыги подорожные,
Поутру выставляли ранешенько,
Выступали на мостик на Волховский.
Васильева дружина хоробрая
Выступают сопротиву их.
Оны бились ровно три часа:
Тыи ль мужики новгородские
Попятили дружину Васильеву,
Была его дружина попячена,
Головки шалыгамы прощелканы,

Руки кушакамы перевязаны,
Стоит дружина по колен в крови.
С того ль двора со вдовиного,
От честной вдовы Мамелфы Тимофеевны,
Выбегает девка дворовая,
Дворовая девка чернявка,
На тую на реку на Волхову
Со своима коромысламы железныма,
И видит девка чернявка
Дружинушку Васильеву попячену,
Головки у них шалыгамы проколочены,
Руки кушакамы перевязаны,
Стоит дружина по колен в крови.
Ихватила коромыселко железное,
Иначала пощелкивать мужиков новгородских:
Убила мужиков пятьсот человек.
Ипотом девка чернявка побег чинит,
Прибежала девка к погребу глубокому,
Сама говорит таково слово:
— Ай же ты, Васильюшка Буславьевич!
Спишь ты, Василий, не пробудишься,
Над собой невзгодушки не ведаешь:
На том ли на мостике на Волховском
Попячена твоя дружина хоробрая,
Головки шалыгамы прощелканы,
Руки кушакамы перевязаны,
Стоит дружина по колен в крови.

Тут-то Васильюшко Буславьевич
Молился ей, девке чернявке:

— Ай же ты, девка чернявка!
Выпусти меня с погреба глубокого,
Дам я тебе золотой казны до любви.

Отпирала она дверь у погреба глубокого,
И выпускала Василья на белый свет.
Не попало у Василья сбруи ратняя,
Палицы воинския и копья мурзамецкого:
У того у погреба глубокого
Лежала ось тележная железная,
Долиною в две сажени печатных,

А на вес ось та сорока пуд:
Хватает он тую ось железную
На свое плечо богатырское.
Говорит девке чернявке не с упадкою:
— Благодарствуешь, девка чернявка,
Что выпустила со погреба глубокого,
Не погубила моей дружины хоробря:
Я с тобой опосля рассчитаюся,
А нонь мне недосуг с тобой проклаждатися.

Приходил он ко мостику ко Волховскому,
И видит дружину хоробрую попячену,
Стоит дружина по колен в крови,
Головки шалыгамы прощелканы,
Платкамы руки перевязаны
И ноги кушакамы переверчены.
Говорит Васильюшка Буславьевич:
— Ай моя дружина хоробря!
Вы теперь позавтракали,
Мне-ка-ва дайте пообедати.
Становил дружину на сторону,
А сам начал по мужичкам похаживать
И начал мужичков пощелкивать,
Осью железною помахивать:
Махнет Васильюшка — улица,
Отмахнет назад — промежуточек,
И вперед просунет — переулочек.
Мужиков новгородских мало ставится,
Очень редко и мало их.
Видят князья беду неминучую,
Прибьет мужиков Василий Буславьевич,
Не оставит мужиков на семена;
Приходят князья Новгородские,
Воевода Николай Зиновьевич,
Старшина Фома Родионович,
Ко его государыне ко матушке,
Ко честной вдовы Мамелфы Тимофеевны,
Сами говорят таковы слова:
— Ай же ты, честна вдова Мамелфа Тимофеевна!
Уговори, уйми свое чадо милое,

Молода Василья Буслаевича:
Укротил бы свое сердце богатырское,
Оставил бы мужиков хоть на семена.

Говорит Мамелфа Тимофеевна:

— Не смею я, князя Новгородские,
Унять свое чадо милое,
Укротить его сердце богатырское:
Сделала я вину ему великую,
Засадил его во погреба глубокие,
Есть у моего чада милого
Во том во монастыре во Сергеевом
Крестовый его батюшка Старчище Пилигримище:
Имеет силу нарочитую.
Попросите, князя Новгородские,
Не может ли унять мое чадо милое.

И так князя Новгородские
Приезжают к монастырю ко Сергееву
И просят Старчище Пилигримище,
Со великим просят с унижением:
— Ай же ты, Старчище Пилигримище!
Послужи ты нам верой-правдою,
Сходи ты на мостик на Волховский
Ко своему ко сыну ко крестовому,
Молодому Васильюшке Буславьеву:
Уговори его сердце богатырское,
Чтобы он оставил побоище,
Не бил бы мужиков новгородских,
Оставил бы малую часть на семена.

Старчище Пилигримище сокручается,
Сокручается он, снаряжается
Ко своему ко крестнику любимому:
Одевает Старчище кафтан в сорок пуд,
Колпак на голову полагает в двадцать пуд,
Клюку в руки берет в десять пуд,
И пошел ко мостику ко Волховскому
Со тума князьмы Новгородским.
Приходит на мостик на Волховский,
Прямо к нему во ясны очи,
И говорит ему таковы слова:

— Ай же ты, мое чадо крестное!
Укроти свое сердце богатырское,
Оставь мужичков хоть на семена.

Богатырское сердце разъярилося:

— Ай же ты, мой крестный батюшка!
Не дал я ти яичка о Христовом дни,
Дам тебе яичка о Петровом дни!

Щелкнул как крестного батюшку
Тою осью железною,
Железною осью сорокапудовую:
От единого удара Васильева
Крестовому батюшке славу поют.

Тут-то два князя Новгородских,
Воевода Николай Зиновьевич,
Старшина Фома Родионович,
Приходят к его государыне матушке,
Честной вдовы Мамелфы Тимофеевны,
Сами говорят таковы слова:
— Ай же ты, честна вдова Мамелфа Тимофеевна!
Упроси свое чадо любимое,
Укротил бы свое сердце богатырское:
Мужичков в Нове-граде редко ставится,
Убил он крестового батюшку,
Честного Старчища Пилигримища.

Тогда государыня его матушка,
Честная вдова Мамелфа Тимофеевна,
Одевала платьица черныя,
Одевала шубу соболиную,
Полагала шелом на буйну голову,
И пошла Мамелфа Тимофеевна
Унимать своего чада любимого.
То выгодно собой старушка догадалася, —
Не зашла она спереди его,
А зашла она позади его,
И пала на плечи на могучия;
— Ай же ты, мое чадо милое,
Молодой Васильюшко Буславьевич!
Укроти свое сердце богатырское,
Не сердись на государыню на матушку,

Уброси свое смертное побоище,
Оставь мужичков хоть на семена.

Тут Васильюшко Буславьевич
Опускает свои руки к сырой земле,
Выпадает ось железная из белых рук
На тую на мать сыру землю,
И говорит Василий Буславьевич
Своей государыне матушке:
— Ай ты, свет сударыня матушка,
Тая ты старушка лукавая,
Лукавая старушка, толковая!
Умела унять мою силу великую,
Зайти догадалась позади меня,
А ежели б ты зашла впереди меня,
То не спустил бы тебе, государыне матушке,
Убил бы за место мужика новгородского.

И тогда Васильюшка Буславьевич
Оставил тое смертное побоище,
Оставил мужиков малу часть,
А набил тых мужиков, что пройти нельзя.

Тут приходят князья Новгородские,
Воевода Николай Зиновьевич,
Старшина Фома Родионович,
Ко тому Васильюшку Буславьеву,
Пали ко Василью в резвы ноги,
Просят Василья во гостебьце,
Сами говорят таковы слова:
— Ай же ты, Васильюшка Буславьевич!
Прикажи обрать тела убитыя,
Предать их матери сырой земле;
Во той ли во реченьке Волхове
На целую на версту на мерную
Вода с кровью смесилася:
Без числа пластина принарублена.
Тут-то Васильюшка Буславьевич
Приказал обрать тела убитыя,
Не пошел к им в гостебьце:
Знал де за собой замашку великую.
А пошел в свои палаты белокаменны

Ко своей государыне ко матушке
Со своей дружиною со хороброю.
И жил Васильюшка в праздности,
Излечил дружинушку хоробрую
От тых от ран кровавых,
И привел дружину в прежнее здравие.

(Записано от лодочника в устье р. Водлы, которое местные жители называют Шалой (Пудога) летом 1860 г.)

Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, т. 2 / под ред. и с предисл. А. Е. Грузинского, 1910.